

**Образ Ирана в пьесе удмуртского писателя
Г. Симакова «За Копет-Дагом»**

А. И. Лаврентьев

*Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск, Российская Федерация,
lavrentyev@bk.ru*

В. Л. Шибанов

*Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук,
г. Ижевск, Российская Федерация,
shibvik@rambler.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье анализируется образ Ирана, созданный удмуртским писателем Григорием Симаковым в драме «Копет-Дагсьöрын» («За Копет-Дагом», 1951, 1960), которая была написана им по впечатлениям от воинской службы в Персидском коридоре. Произведение, не нашедшее достойного места в истории удмуртской советской литературы и театрального искусства, в наши дни обретает актуальность в связи с новым витком противостояния Запада и Востока. Действие в драме происходит в годы Великой Отечественной войны. Пропагандируемая Симаковым идея о том, что Иран имеет своё будущее лишь в единстве с русским народом, во многом становится злободневной и в текущей политической обстановке.

Цель: выявить подходы драматурга Г. Симакова к изображению восточной страны и раскрыть особенности её репрезентации в пьесе «За Копет-Дагом».

Материалы исследования: драма Г. Симакова «За Копет-Дагом», состоящая из трёх действий и девяти картин.

Результаты и научная новизна. Образ Ирана (до 1935 г. – Персия) стал привлекательным для удмуртских писателей в середине XX в., что обусловлено как фактами их биографии (Г. Симаков, М. Покчи-Петров), так и повышением общественного интереса к этой стране в связи с распадом мирового колониализма и обострением холодной войны между Западом и СССР. Наиболее репрезентативной в осмыслении Ирана является драма Г. Симакова «За Копет-Дагом», в которой изображается противостояние иранцев и американцев в 1944–1945 гг.

Научная новизна статьи обусловлена тем, что она представляет собой первый опыт осмысления образа восточной страны в удмуртской драматургии. Образ Ирана создаётся через диалоги персонажей и сценическое пространство пьесы. Последовательное расширение пространства открывает всё новые стороны восточной страны – от частного к публичному, от бытового к социальному. В финале появляется дорога, связывающая Тегеран с Тавризом (Тебризом), которая символизирует будущий путь страны, ориентированный на Советскую Армению и Азербайджан. Таким образом, Симаков сумел в середине XX в. в рамках социалистического реализма обозначить глобальные проблемы, связанные с внедрением механизмов неоколониализма и вновь оказавшиеся актуальными в первой четверти XXI в.

Ключевые слова: удмуртская литература, Григорий Симаков, пьеса «За Копет-Дагом», образ Ирана, пространственная организация текста, ирано-американское противостояние

Для цитирования: Лаврентьев А. И., Шибанов В. Л. Образ Ирана в пьесе удмуртского писателя Г. Симакова «За Копет-Дагом» // Вестник угроведения. 2026. Т. 16. № 1 (64). С. 52–58.

**The image of Iran
in the play “Beyond Kopet-Dag” by the Udmurt writer G. Simakov**

A. I. Lavrentyev

*Udmurt State University,
Izhevsk, Russian Federation,
lavrentyev@bk.ru*

V. L. Shibyanov

*Udmurt Federal Research Center
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russian Federation,
shibvik@rambler.ru*

ABSTRACT

Introduction: The article analyzes the image of Iran as depicted by the Udmurt author Grigoriy Simakov (1919–1996) in the drama “Kopet-Dag Sjöryn” (“Beyond Kopet-Dag”, 1951, 1960). The play was based on his personal experiences during military service in the Persian Corridor. This work, which has not yet been recognized as a significant contribution to the history of Udmurt Soviet literature and theater art, is gaining relevance in the context of the ongoing confrontation between the West and the East. The setting of the drama is the period of the Great Patriotic War. The idea propagated by Simakov, that Iran’s future lies in unity with the Russian people, in many respects becomes topical in the current political situation.

Objective: to identify playwright G. Simakov’s approaches to the depiction of Iran as an eastern country in the 1940s and to reveal the features of its representation.

Research materials: the drama by G. Simakov “Beyond Kopet-Dag” consisting of three acts and nine scenes.

Results and novelty of the research: the image of Iran (before 1935 – Persia) became a subject of interest for Udmurt men of letters in the mid-twentieth century. This interest can be attributed to two factors. Firstly, it was influenced by the authors’ biographies, especially those of G. Simakov and M. Pokchi-Petrov. Secondly, it was fueled by the increase in public interest in Iran due to the collapse of global colonialism and the escalation of the Cold War between the West and the USSR. The most representative work in conceptualizing Iran is the drama by G. Simakov, “Beyond Kopet-Dag”, which depicts the confrontation between Iranians and Americans in 1944–1945. The scientific novelty of the study is due to the fact that it represents the first experience of understanding the image of the eastern country in Udmurt dramaturgy. The image of Iran is examined in two aspects: through the dialogue and reasoning of the characters (speech level), the spatial organization of the text (as indicated by stage design of scenes proposed by the playwright). This sequential expansion of space reveals new facets of the eastern country, transitioning from the private to the public, from the domestic to the social. In the final scene, a road appears, connecting Tehran with Tabriz, it symbolizes the future path of the country, oriented towards Soviet Armenia and Azerbaijan. Thus, Simakov succeeded in the middle of the twentieth century, within the framework of socialist realism, in outlining global problems associated with the mechanisms of neocolonialism, which once again became relevant in the first quarter of the twenty-first century.

Key words: Udmurt literature, Grigory Simakov, the play “Beyond Kopet-Dag”, image of Iran, spatial organization of the text, Iranian-American confrontation

For citation: Lavrentyev A. I., Shibanov V. L. The image of Iran in the play “Beyond Kopet-Dag” by the Udmurt writer G. Simakov // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2026; 16 (1/64): 52–58.

Введение

Культура Персии (с 1935 г. – Иран) занимает в отечественной литературе одно из значимых мест. Такие известные авторы как Омар Хаям и Саади, Низами и Фирдоуси, несомненно, оказали влияние на развитие культур народов России. В современной России интерес к Ирану проявляется, прежде всего, в русском литературоведении. Работы исследователей анализируются и оцениваются самими иранскими учёными, с их точки зрения, особо выделяются труды Д. С. Комиссарова и преподавателей МГУ им М. В. Ломоносова М. Л. Рейснер и А. Н. Ардашниковой [9, 367]. Как отмечает Масуме Мотомедния, в русской литературе «происходит активное освоение персидской литературы, бросающее взгляд на её разнообразные аспекты: тематику, жанровое своеобразие, мелодичность языка, средства выразительности. Но иранистам есть ещё над чем работать» [9, 367]. О нереальном, «вымышленном образе Ирана для западного читателя» пишет и Амир Ахмади, но он ориентируется на англоязычную литературу [16]. Вопросы иранской культуры затрагиваются при анализе творчества классиков русской поэзии, например, цикла «Персидские мотивы» С. Есенина, при этом особо актуализируется понятие «чужое пространство» [1, 5–7].

Об удмуртской иранистике говорить ещё не приходится, хотя в литературе интерес к этой стране наметился ещё в середине XX в. Поэт и режиссёр Михаил Покчи-Петров написал

стихотворение «Мёзмись сёлэм» («Скучающее сердце», 1956), посвящённое своему иранскому другу: «Тани толон Тегеранын / Нош эшьёсты ыбылйллям» [10, 28] ‘Вот только вчера в Тегеране / Вновь расстреляли наших товарищей’. Удмуртский прозаик Роман Валишин в своих дневниках за 1957 г. отмечал, что на днях прочитал роман Гарегина Севунца «Тегеран» и высоко оценил психологическую подоплёку произведения, особенно изображение образа врача Азади [3, 253–254]. В 1970 г. в республиканском журнале «Молот» был напечатан рассказ Шахини Хосроу «Вутудзýса...» («После наводнения», пер. Ф. Овчинникова) о природном бедствии, на котором пытаются нажиться местные иранские чиновники [14, 53–58]. Но особое место в удмуртской иранистике занимает Григорий Симаков, написавший серию рассказов и воспоминаний о восточной стране и драму «Копет-Даг сьöрын» («За Копет-Дагом»), которая рассматривается в рамках данного исследования. Первая редакция пьесы увидела свет в 1951 г. в коллективном сборнике «Калык куара» («Голос народа») [11, 110–155], вторая – в 1960 г. в книге «Зечбур, Родина» («Здравствуй, Родина») [12, 25–80]. Главное отличие двух редакций заключается, прежде всего, в уменьшении возвышенных слов о И. В. Сталине, произносимых иранскими героями. Так, если Мамед и Сусанна в редакции текста 1951 г. давали имя своему сыну Иосиф [11, 154], то в конечном варианте он назван Владимир [12, 79], если генерал Баграмян был в раннем варианте назван

«полководцем сталинской школы» [11, 150], то в более позднем он характеризовался просто как «талантливый» [12, 74]. Кроме того, экономический конфликт (борьба за нефть) отошёл на второй план, более актуальной стала идейная борьба между американцами и героями, сочувствующими Советскому Союзу. Новаторство драматургии Симакова заключается не только в непривычной «ориентальной» тематике, но и отказе от фольклорного материала, на котором держался театр многих регионов страны и привлекал зрителей в автономных республиках [4, 79].

Григорий Симаков (1919–1996) был до войны корреспондентом молодёжной газеты «Егит большевик» («Молодой большевик»). В 1939 г. был призван на службу в ряды вооружённых сил, осенью 1941 г. направлен в воинские части, расквартированные в Иране, а в 1944–1945 гг. попал в систему охраны Персидского коридора по реализации программы ленд-лиз. Под впечатлением от этих событий была написана драма «Копет-Даг съёрын» («За Копет-Дагом»). В связи с обострением отношений между Западом и СССР удмуртский писатель мало говорит о военной помощи американцев русским, тем не менее, указывает, что в Персидский залив привезли колёса для автомобилей, которые будут отправлены на советский фронт. Лишь в начале 1990-х гг. стали открыто писать о роли американцев и англичан в осуществлении программы ленд-лиз через территорию Ирана: «К концу 1943 года в армии США в Персидском коридоре имелось свыше 41 тыс. гражданских служащих. <...> Путь по Персидскому коридору стал одной из важнейших коммуникаций Второй мировой войны» [2, 29–30].

Так как драма Г. Симакова не была поставлена на сцене, то и рецензий на текст пьесы фактически не было. Имеется лишь один газетный отзыв о книге «Здравствуй, Родина!» и включённой в это издание драме, написанный в соавторстве Г. Ходыревым и С. Коротковым: «*Малы со сцена вылын улонэз уг адзы? Пуктыны ой луысал шат сое? Луысал ук*» «Почему пьеса не живёт на сцене? Неужели нельзя её поставить? Ведь можно же» [13]¹. Венгерский учёный Петер Домокош в своём капитальном труде «История удмуртской литературы» (1975) не говорит ни слова о драме «За Копет-Дагом» и даёт высокую оценку Г. Симакову как детскому писателю, тонко чувствующему родную природу: «Подобно Герду, подходит к детям с педагогическим, психологическим чутьём» [18, 499].

Материалы и методы

Материалом исследования послужила драма удмуртского писателя Г. Симакова «Копет-Даг съёрын» («За Копет-Дагом») в трёх действиях и девяти картинах.

Основные методы: биографический и культурно-исторический с учётом теории Б. О. Кормана о специфике анализа драматургических произведений [7, 319].

Результаты

Образ Ирана занимает в драме Г. Симакова ключевое место, не случайно произведение названо «За Копет-Дагом», изображающим восточную страну, мало знакомую удмуртскому читателю. Анализ образа того или иного географического объекта, включающего в себя определённые культурно-эстетические контексты, требует различного подхода в эпическом, лирическом и драматическом родах литературы. Так, Е. К. Созина и М. А. Литовская, исследующие образ Екатеринбург (Свердловска) в эпических текстах, сосредоточены на особенностях «развития литературного нарратива» [8, 55]. С. П. Гудкова и А. М. Раужина, анализируя образ Мордовии в поэтических текстах, ставят во главу угла понятие лирического героя [5, 7]. Трактовка же драматических произведений требует, по словам Б. О. Кормана, различения первичного и вторичного субъектов речи [7, 319]. Персонажи пьесы (вторичные субъекты) выражают свою точку зрения и свою «правду», с которой читатель (зритель) не обязательно должен согласиться. Так, в пьесе Г. Симакова представитель американской миссии Хорн заявляет, что иранцы в своём культурном развитии отстают от Запада на целое столетие [12, 53], что выражает его пренебрежительное отношение к местному населению и его древнейшей культуре. Чтобы глубже понять образ Ирана и авторское отношение к нему, необходимо изучить организацию пространства сцены (ресторан, рабочий кабинет, полицейский участок), развитие сюжета, столкновение противоборствующих героев, актуализацию того или иного образа (персидский ковёр, джаз-оркестр) и др. Автор в данном случае выступает в роли носителя сознания, «выражением которого является всё произведение» [7, 317], при этом особое внимание должно быть уделено названию драмы и списку действующих лиц.

Для героев пьесы, представителей Ирана, Советский Союз – это близкий северный сосед,

¹ Здесь и далее перевод на русский язык Шибанова В. Л.

идуший по социалистическому пути и в данное время успешно воюющий с фашизмом. В списке действующих лиц отчётливо выделяются два лагеря – персонажи из числа рабочих и шофёров (Мамед, Харири), борющиеся против экспансии доллара, и американцы со своими иранскими пособниками (депутат меджлиса Оранги, начальник жандармерии Разави), получающие выгоды от проведения политики неокOLONIALИЗМА. Такое противостояние героев характерно для многих произведений социалистического реализма, Г. Симаков также не является исключением. Особенно стоит образ торговца Сулеймана. В своё время он дал возможность сыну Мамеду учиться в Советском Союзе, но к периоду его возвращения уже симпатизирует Америке и принципиально отказывается понять позицию родного сына.

Начало драмы «За Копет-Дагом» имеет символическое значение. Г. Симаков изображает жилое помещение торговца Сулеймана и его жены Ахтер. Служанкой в их доме работает молодая Сусанна, этническая армянка. В пьесе не говорится о братьях и сёстрах Мамеда, для читателя он воспринимается как единственный сын в семье. Изображения отношений между этими четырьмя персонажами, по мнению автора пьесы, вполне достаточно для первичного осмысления Ирана как особого социально-экономического континуума. Г. Симаков не подчёркивает экзотичности домашней обстановки, лишь отмечает наличие красочного персидского ковра на стене, отличающегося, как правило, «насыщенными цветами и плавными или геометрическими узорами» [20, 1157]. Первое визуальное знакомство с Ираном нацелено на то, что и иранцы, и удмурты, и другие народы России, по мнению Симакова, незначительно отличаются друг от друга, лишь в культурном плане имеют этническую специфику. Мамед, влюблённый в Сусанну, пишет стихи, одно из его произведений должно было звучать со сцены: «*Оло со синпöет – яратон, / Оло нош, пöясько ныл сингёс...*» [12, 33] «*Может, эта иллюзия и есть любовь, / А может, обманывают девичьи глаза...*». Эти и последующие за ним строки пронизаны духом Востока. Но Мамед нигде не упоминает имён великих поэтов и сложно определить, на чьё творчество он ориентируется. Лишь в 1980–1990-е гг. удмуртские поэты обратились к жанру рубаи (А. Белоногов), вступили в творческий диалог с есенинскими «Персидскими мотивами» (Н. Байтеряков).

В пространственной организации первого действия «За Копет-Дагом» важным становится и

небольшой ресторан. Один из его залов является местом столкновения американских офицеров (Джексона, Скуби) и иранцев (Мамеда, Харири). Джаз-оркестр исполняет американский джаз и мелодии в восточной аранжировке. Г. Симаков надеялся на то, что национальный драматический театр сможет озвучить на удмуртской сцене джазовые композиции, без этого трудно представить образ типичного американца 1940-х гг. Автор не изменил эту сцену и во второй редакции пьесы, в 1958 г. в удмуртский театр были приняты молодые музыканты [6, 156–157], на талант которых рассчитывал Г. Симаков, именно они в ближайшем будущем принимали участие в создании первой удмуртской оперы, балета и оперы-балета.

Для репрезентации образа Ирана Г. Симаков умело использует диалоги не только положительных, но и отрицательных героев. Тегеранский ресторан является для Джексона, Скуби и их сослуживцев «своим» уголком, здесь они чувствуют себя полными хозяевами, с пренебрежением говорят о местных жителях, бесцеремонно разнимают танцующие пары, останавливают оркестр при исполнении восточных мелодий. Американские офицеры рассуждают о роли русских во Второй мировой войне. Джексон говорит, что лишь благодаря второму фронту и американской технике советские войска одерживают свои победы. Скуби не соглашается с приятелем: «*Соос огназы но вормыны быгатовзы*» [12, 40–41] «Они и в одиночку смогут победить»; «*соос идейно юн кыдамын, асьсэлэн техниказы но тырмыт*» [12, 41] «они идейно сильно закалены, да и своей техникой у них достаточно». В сюжетную канву этой картины удачно вписывается включение радио, по которому сообщают о салюте в Москве в честь освобождения города Севастополя: «*Тйини кинлэсь дышетскыны кулэ кужымеэз кыдатыны, нюръяськыны но вормыны*» [12, 45] «Вот у кого нужно учиться, чтобы закалять силы, бороться и побеждать», говорит Мамед своему другу Харири. Таким образом, в первом действии противостояние иранцев и американцев обозначено преимущественно в сфере повседневной жизни, однако выбор: США или СССР – для иранцев ставится автором уже остро.

Второе действие драмы «Копет-Даг съöрын» поднимает конфликт на более высокий уровень, образ Ирана раскрывается в социально-политическом плане. Автор произведения для воплощения своей идеи переносит читателя в рабочий кабинет транспортного предприятия и в помещение американской дипломатической миссии.

Сцена строится по канонам публицистического диалога, один герой рассказывает другому о бывшем правителе Ирана Реза-Пехлеви и его последователях, о политике меджлиса (органа управления страны), готового превратить страну в неокOLONиальное образование. Правоту этих размышлений подтверждают в другой картине американцы Хелл и Хорн, ведущие оживлённый разговор о своих успехах в Иране и о снижении для них угроз со стороны СССР. Хелл говорит: «*Нош ёучьёслэн али котькуд вормон вামышсы асьмелы пумит луэ*» [12, 54] ‘А сейчас каждый победный шаг русских представляет нам угрозу’. Радость американцев вскоре омрачается, так как через открытые двери веранды начинают звучать голоса рабочих, вышедших на антиправительственную демонстрацию. Для понимания образа Ирана Г. Симакову важны упоминания о том, что в городе Тебризе местные азербайджанцы подняли мятеж, не согласившись с решениями меджлиса, а также информация о том, как в Персидском заливе идёт разгрузка автомобильных шин, предназначенных для отправки на восточный фронт.

Главным препятствием для раскрытия внутреннего потенциала Ирана является, по мнению Г. Симакова, неокOLONиальная политика США. Насколько глубоко проникла американская идеология в мир иранской верхушки, показывает третье действие драмы «За Копет-Дагом». Местные власти массово арестовывают и расстреливают неугодных им людей, прежде всего симпатизирующих Советскому Союзу. Поводом для ареста Мамеда послужило то, что полицейские при обыске нашли у него портрет генерала Баграмяна и Конституцию СССР. Начальник полиции Разави признается, что около сотни коммунистов он уже расстрелял, несколько сотен находятся в заключении [12, 72]. Получив денежное вознаграждение от американцев, Разави был безумно счастлив, но когда поделил сумму на каждого арестованного, то тотчас огорчился: «*Йырлы быдэлыдыя но ке, туж ёжыт лыктэ*» [12, 72] ‘Если считать по отдельности на каждого, получается слишком мало’. Власть исходит из того, что любой человек, симпатизирующий русским, является коммунистом.

Под влияние западной пропаганды попал и отец Мамеда, представитель определённого слоя иранского общества. Торговец Сулейман считает, что оплотом мира в Иране теперь являются Америка и Англия. Он не верит сыну, старающемуся убедить его: «*Выль ож дасяське Советьёс пумитэ асьме музьем вылын*» [12, 68] ‘Новая война готовится на нашей земле против Советов’.

Более того, Сулейман прогоняет из дома беременную Сусанну, зная, что она ждёт ребёнка от его сына. Среди рабочих и шофёров тоже выявляются проамериканские пособники, которые отказываются выйти на демонстрацию. Итак, Иран оказывается расколотым на два лагеря – симпатизирующего русским и выбирающего американский путь развития.

В последней картине пьесы изображается дорога, связывающая Тегеран с Тебризом. Сусанна с младенцем на руках выходит в путь, чтобы попасть в далёкую Советскую Армению. Здесь же конвоиры ведут Мамеда и его товарищей на расстрел. Дорога оказывается спасительной для приговорённых к смерти, рабочие на автомобилях догоняют конвоиров. Встреча освобождёвшегося Мамеда с сыном вписывается в «основополагающую фабулу» советского романа, описанную К. Кларк: в рождении ребёнка «звучит тема возрождения и величия времени, в котором будет жить новое поколение» [17, 260]. К 1960 г. Иран уже полностью попал в зависимость от США и Великобритании, но Г. Симаков не переставал верить, что будущее этой страны всё равно немыслимо без дружеских отношений с русским народом.

При восприятии Востока, отмечает Эдвард Саид, западные реципиенты стремятся трансформировать другие культуры, «воспринимая их не такими, какие они есть, но такими, какими они должны быть (к выгоде воспринимающего)» [21, 67]. В адрес Г. Симакова тоже можно бросить этот упрёк, и всё же для него характерно, как и для многих российских писателей, «принятие чужого пространства и готовность к погружению в него» [1, 10]. К тому же, в этот период шла острая идеологическая борьба, и Г. Симаков по-своему в художественной форме включился в этот процесс. Западные политологи муссировали мысль о том, что якобы Россия является колониальной страной, в 1952 г. громко заявлял об этом, например, англичанин Вальтер Коларз, причисляя к колонии и Удмуртию [19, 53–54]. Поэтому автор пьесы отвечает через своих героев: «*Утемед потэ ке калыкедлэсь национальной культуразэ – вამышты коммунистьёсын ёош*» [12, 74] ‘Если хочешь сохранить национальную культуру своего народа, то шагай вместе с коммунистами’, имея в виду, прежде всего, культурную политику СССР.

Обсуждение и заключение

Автор драматического произведения, организуя сюжет и сталкивая своих героев, выбрал особое место действия с целью более глубокого

воплощения своего идейного замысла. Персонажи в своих репликах значительно расширяют пространственные границы изображаемых действий (города Тебриз и Севастополь, Персидский залив и др.).

Центральным персонажем пьесы, репрезентирующим образ Ирана, является молодой инженер Мамед, учившийся в СССР и начинающий работать в транспортном предприятии. Пространственная организация текста нацелена на образно-символическое раскрытие образа восточной страны. В начале пьесы действия происходят в доме торговца Сулеймана, изображающем повседневную жизнь обычного иранца. В следующих картинах предстают различные локусы Тегерана: ресторан, рабочий кабинет инженера, помещение американской дипмиссии, полицейский участок. Такое последовательное расширение

пространства открывает всё новые стороны восточной страны – от частного к публичному, от бытового к социальному. Выход за границы города достигается за счет актуализации в речи героев побережья Персидского залива и города Тебриза, находящегося недалеко от границ СССР.

Удмуртский драматург в рамках социалистического реализма поднимает глобальные проблемы, которые остаются неразрешёнными. Противостояние иранцев и американцев связано, прежде всего, с внедрением механизмов неокOLONиализма в восточное государство. Но для представителей США принципиально важно, чтобы Иран не пошёл по пути Советского Союза, так как, повторим слова дипломата Хорна, каждый победный шаг русских представляет американцам угрозу [12, 54]. Пьеса Г. Симакова расширила представления удмуртов об Иране.

Список источников и литература

1. Алексеева А. А. Рецепция «чужого пространства» в циклах С. А. Есенина «Персидские мотивы», А. В. Ширяевца «Бирюзовая чайхана», С. М. Городецкого «Ангел Армении» // Вестник Ивановского государственного университета. 2024. Вып. 3. С. 5–11. DOI: 10.46726/H.2024.3.1.
2. Басов А. В., Гутенмахер Г. И. Персидский коридор // Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 25–33.
3. Валишин Р. Г. Тодметъёс. Ижевск: Удмуртия, 1990. 312 с.
4. Горинова Н. В. Коми драматургия в зеркале революции: некоторые аспекты становления и развития национального драматургического искусства в первой трети XX века // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Т. 17. № 1. С. 77–86. DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-77-86.
5. Гудкова С. П., Раужина А. М. Образ мордовского края в творчестве Камиля Тангалычева // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 1 (56). С. 7–15. DOI: 10.30624/2220-4156-2024-14-1-7-15.
6. Евсеева А. Я. Из сокровищницы души. Очерки и эссе о деятелях культуры и театрального искусства Удмуртии. Ижевск: Монпоражён, 2016. 276 с.
7. Корман Б. О. Теория литературы. Ижевск: Институт компьютерных технологий, 2005. 552 с.
8. Литовская М. А., Созина Е. К. Екатеринбург – Свердловск: литературные метаморфозы образа города в свете утопических проектов // Уральский исторический вестник. 2023. № 3 (80). С. 55–64. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-55-64.
9. Масуме Мотамедния. История освоения персидской литературы в России // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 4 (89). С. 366–367. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-489-366-367.
10. Покчи-Петров М. П. Тодматскон: кылбуръёс. Ижевск: Удмуртской книжной издательство, 1960. 48 с.
11. Симаков Г. С. Копет-Дагсьёрын // Калыккуара: кылбуръёс но веросьёс. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1951. С. 110–155.
12. Симаков Г. С. Зечбур, Родина! Ижевск: Удмуртия, 1960. 80 с.
13. Ходырев Г. А., Коротов А. С. Калыклы – шудбур но эрик! // Советской Удмуртии. 1961. № 7. От 8 января.
14. Шахини Хосроу. Вутудъыса... Рассказ // Молот. 1970. № 11. С. 53–58.
15. Шибанов В. Л. Ирано-американское противостояние в призме удмуртской идентичности в пьесе Григория Симакова «За Копет-Дагом» // Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 2024. С. 410–414.
16. Ahmadi Amir. The Fictional Construction of Iran for a Western Readership: from Montesquieu to Nafisi. Brisbane: University of Queensland, 2016. 189 p.
17. Clark K. The Soviet Novel: History as Ritual. Bloomington: Indiana University Press, 2000. 320 p.
18. Domokos P. Az Udmurt irodalom története. Budapest: Akadémiaikiadó, 1975. 550 p.
19. Kolars W. Udmurts: a “capital” versus a people // Kolars W. Russia and Her Colonies. London: Published by George Philip and Son Limited, 1952. Pp. 53–55.
20. Persian carpet // Collins English Dictionary. Glasgow: Harper Collins Publ., 1998. P. 1157.
21. Said Edward W. Orientalism. Western conceptions of the Orient. London: Penguin books Publ., 1995. 396 p.

References

1. Alekseeva A. A. *Retseptsiya “chuzhogo prostranstva” v tsiklakh S. A. Eсениna “Persidskiye motivy”, A. V. Shiryayetsa “Biruzovaya chaykhana”, S. M. Gorodetskogo “Angel Armenii”* [Reception of “foreign space” in the cycles of S. A. Eсениn “The Persian Motifs”, A. V. Shiryayets “The Turquoise Teahouse”, S. M. Gorodetskiy “The Angel of Armenia”]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Ivanovo State University Bulletin], 2024, no. 3, pp. 5–11. DOI: 10.46726/H.2024.3.1. (In Russian)

2. Basov A. V., Gutenmaher G. I. *Persidskij koridor* [The Persian Corridor]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military History Journal], 1991, no. 1, pp. 25–33. (In Russian)
3. Valishin R. G. *Todmet'yo*s [The Signs]. Izhevsk: Udmurtia Publ., 1990. 312 p. (In Udmurt)
4. Gorinova N. V. *Komi dramaturgiya v zerkale revolyutsii: nekotorye aspekty stanovleniya i razvitiya natsionalnogo dramaticheskogo iskusstva v pervoj treti XX veka* [Komi drama in the mirror of the revolution: some aspects of the formation and development of national stage art in the first third of the XX century]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2023. no. 17 (1), pp. 77–86. DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-77-86. (In Russian)
5. Gudkova S. P., Rauzhina A. M. *Obraz mordovskogo kraja v tvorchestve Kamila Tangalycheva* [The image of the Mordovian region in the creative work of Kamil Tangalychev]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2024, no. 14 (1/56), pp. 7–15. DOI: 10.30624/2220-4156-2024-14-1-7-15. (In Russian)
6. Evseeva A. Ya. *Iz sokrovishchitsy dushi. Ocherki i esse o deyatelakh kultury i teatralnogo iskusstva Udmurti* [From the treasury of the soul. Essays about cultural and theatrical figures of Udmurtia]. Izhevsk: Monporazhon Publ., 2016. 276 p. (In Russian)
7. Korman B. O. *Izbrannye trudy. Teoria literatury* [Selected works. Theory of literature]. Izhevsk: Institut komputernykh tekhnologij Publ., 2005. 552 p. (In Russian)
8. Litovskaya M. A., Sozina E. K. *Ekaterinburg – Sverdlovsk: literaturnye metamorfozy obraza goroda v svete utopicheskikh proyektov* [Yekaterinburg – Sverdlovsk: literary metamorphoses of the city image in the view of utopian projects]. *Uralskij istoricheskij jvestnik* [Ural Historical Journal], 2023, no. 3 (80), pp. 55–64. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-55-64. (In Russian)
9. Masoumeh Motamednia. *Istoria osvoeniya persidskoj literatury v Rossii* [History of the development of Persian literature in Russia]. *Mir nauki, kultury i obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2021, no. 4 (89), pp. 366–367. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-489-366-367. (In Russian)
10. Pokchi-Petrov M. P. *Todmatskon* [The Acquaintance]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1956. 48 p. (In Udmurt)
11. Simakov G. *Kopet-Dag sjöryn* [Beyond Kopet-Dag]. *Kalykkuaaos* [Voice of the People]. Izhevsk: Udmurtgosizdat Publ., 1951. Pp. 110–155. (In Udmurt)
12. Simakov G. *Dzjzechbur, Rodina!* [Hello, Motherland!]. Izhevsk: Udmurtia Publ., 1960. 80 p. (In Udmurt)
13. Khodyrev G. A., Korotov A. S. *Kalykly – shudbur noerik!* [Happiness and freedom to the people!]. *Sovetskoy Udmurtia* [Soviet Udmurtia], 1971, no. 7, January 08. (In Udmurt)
14. Shakhini Khosrou. *Vu tudzhysa... Veros* [After the Flood... Story]. *Molot* [The Hammer], 1970, no. 11, pp. 53–58. (In Udmurt)
15. Shibanov V. L. *Irano-amerikanskoye protivostoyaniye v prizme udmurtskoj identichnosti v pyese Grigoriya Simakova “Za Kopet-Dagom”* [Iranian-American confrontation in the prism of Udmurt identity in Grigoriy Simakov’s play “Beyond Kopet-Dag”]. *Tatarovedeniye v situatsii smeny paradigmy: teoria, metodologiya, praktika* [Tatar studies in the situation of paradigm shift: theory, methodology, practice]. Kazan: IJLIAN RT Publ., 2024. Pp. 410–414. (In Russian)
16. Ahmadi Amir. *The Fictional Construction of Iran for a Western Readership: from Montesquieu to Nafisi*. Brisbane: University of Queensland, 2016. 189 p. (In English)
17. Clark K. *The Soviet Novel: History as Ritual*. Bloomington: Indiana University Press, 2000. 320 p. (In English)
18. Domokos P. *Az Udmurt irodalom története*. Budapest: Akadémiaiadó, 1975. 550 p. (In Hungarian)
19. Kolars W. Udmurts: a “capital” versus a people. *Kolars W. Russia and Her Colonies*. London: Publ. by George Philip and Son Limited, 1952. Pp. 53–55. (In English)
20. Persian carpet. *Collins English Dictionary*. Glasgow: Harper Collins Publ., 1998. P. 1157. (In English)
21. Said E. *Orientalism. Western conceptions of the Orient*. London: Penguin books Publ., 1995. 396 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лаврентьев Александр Иванович, доцент кафедры теории языка, межкультурной коммуникации и зарубежной литературы, Удмуртский государственный университет (426034, Российская Федерация, Республика Удмуртия, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1), кандидат филологических наук.

lavrentyev@bk.ru

ORCIDID: 0000-0002-1336-2161

Шибанов Виктор Леонидович, старший научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук (426004, Российская Федерация, Республика Удмуртия, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, д. 34), кандидат филологических наук.

shibvik@rambler.ru

ORCIDID: 0000-0002-6769-7258

ABOUT THE AUTHORS

Lavrentyev Aleksandr Ivanovich, Associate Professor, Department of Theory of Language, Intercultural Communication and Foreign Literature, Udmurt State University (426034, Russian Federation, Udmurt Republic, Izhevsk, Universitetskaya St.,1), Candidate of Philological Sciences.

lavrentyev@bk.ru

ORCID ID: 0000-0002-1336-2161

Shibanov Viktor Leonidovich, Senior Researcher, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (426067, Russian Federation, Udmurt Republic, Izhevsk, T. Baramzina St., 34), Candidate of Philological Sciences.

shibvik@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0002-6769-7258